

УДК 378.147:37.016:821.161.1 (Булгаков М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8.44р

ГСНТИ 14.35.07

Код ВАК 13.00.08, 10.01.01

Петров Василий Борисович,

доктор филологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Магнитогорский филиал); 455000, г. Магнитогорск, ул. Казакова, д. 11; e-mail: 45master91@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КУРСА «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» В ВУЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ МИХАИЛА БУЛГАКОВА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литература; Булгаков; аксиологический подход; обучение; ценностные ориентиры; нравственный закон.

АННОТАЦИЯ. Аксиологический подход к рассмотрению социокультурных феноменов оказывает все большее влияние на систему образования, поскольку ценностные ориентиры всегда были специфическим средством управления творческим процессом. Особую роль в этом процессе играет изучение русской литературы, которая аккумулирует богатый эстетический и нравственно-философский потенциал не только нынешней, но и предшествующих эпох. В сознании русской творческой интеллигенции социальные проблемы всегда переплетались с вопросами о Боге и вере, о правде и истине, о добре и зле. Поэтому лучшие писатели были не только мастерами слова, но и философами. В статье на материале рассказов Михаила Булгакова о гражданской войне рассматривается аксиологический подход к обучению студентов вуза, а также перспективы междисциплинарного изучения литературных феноменов на стыке филологии и философии. Аксиологический подход позволяет выявить внутренние закономерности художественного мира писателя, оценить значение отдельных произведений не только в его творческом наследии, но и в истории литературы. Знакомство с этическими воззрениями русской и зарубежной философской мысли дает возможность осмыслить творчество писателя в широком социокультурном контексте.

Petrov Vasily Borisovich,

Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Magnitogorsk branch), Magnitogorsk, Russia

AXIOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF THE COURSE "HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE" IN HIGHER SCHOOL (BASED ON MIKHAIL BULGAKOV'S STORIES ABOUT THE CIVIL WAR)

KEY WORDS: literature; Bulgakov; axiological approach; training, value markers, moral law.

ABSTRACT. The axiological approach to the study of socio-cultural phenomena is increasingly influencing the education system, because values have always been a specific tool for managing creative process. A special role in this process is played by the study of Russian literature, which accumulates rich aesthetic and moral-philosophical potential of not only current, but also previous epochs. In the minds of Russian intellectuals, social issues have always been intertwined with questions of God and faith, righteousness and the truth about the good and the evil. That is why the best writers have been not only masters of the word, but also philosophers. The article studies the axiological approach to training University students, based on the stories by Mikhail Bulgakov about the Civil War, as well as the prospects for an interdisciplinary study of literary phenomena in the area, where philology and philosophy overlap each other. The axiological approach allows detecting internal patterns of the artistic world of the writer, to evaluate the significance of individual works not only in his heritage, but also in the history of literature. Acquaintance with the ethical views of Russian and foreign philosophical thought gives one the opportunity to reflect on the work of the writer in a broad socio-cultural context.

На рубеже двух тысячелетий в системе образования России наметились новые задачи, связанные с усложнением научной и информационной составляющими. Современное образование ставит на повестку дня вопрос модернизации формы и интеграции содержания. Достижению этой цели содействовало принятие закона «Об образовании в Российской Федерации», федеральных целевых программ («Русский язык», «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, «Федеральная целевая программа развития образования (2006-2010 гг.)», «Федеральная целевая программа развития

образования на 2011-2015 годы», «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2014-2020 годы») и новых государственных стандартов.

Однако сегодня наблюдается явный дисбаланс между преподаванием гуманитарных и технико-экономических дисциплин. Причем гуманитарные науки, как правило, оказываются на периферии. Изучение литературы в школе зачастую подменяется «натаскиванием» учеников на тестах; в вузах часы, отводимые на освоение литературного процесса, сокращаются, да и само количество образовательных программ гуманитарного профиля неуклонно снижает-

ся. Учащихся не столько воспитывают, сколько прививают им необходимые умения и навыки социальной успешности. Между тем, концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2765-р) гласит, что «сегодня требуется кардинальное и масштабное развитие компетенций педагогических кадров, системные меры <...> развития творческих способностей и активной гражданской позиции» молодого поколения. Особую роль в процессе формирования этических установок подрастающего поколения играет изучение русской литературы, которая аккумулирует богатый эстетический и нравственно-философский потенциал не только нынешней, но и предшествующих эпох. Социальные проблемы в сознании русской творческой интеллигенции всегда переплетались с вопросами о Боге и вере, о правде и истине, о добре и зле. Поэтому лучшие писатели были не только мастерами слова, но и философами.

На рубеже XX и XXI века зарождается аксиологический подход к рассмотрению различных социокультурных феноменов. Новый подход, предполагающий рассмотрение явлений в соотнесенности с теми или иными ценностными категориями, не только становится необходимым компонентом осмысления социального развития [6, с. 86-99], основой изучения феноменологии ценностных систем личности [7], но и оказывает все большее влияние на преподавательскую практику [5, с. 53-55]. Не случайными в этой связи представляются и защиты диссертаций И. А. Анашкиной [1], В. А. Коваленко [9], В. Б. Петрова [11]; И. К. Подковырова [12].

Особенностью литературных феноменов является их ценностный характер. Именно поэтому в эстетике реализма все фазы творческого процесса (от замысла до реализации) являются не зеркальным отражением, копированием действительности, а ценностно окрашенным воссозданием отдельных ее сторон в соответствии с миропониманием художника. В. Соловьев в работе «Общий смысл искусства» писал: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [13].

Ценностные ориентиры являют собой специфическое средство управления творческим процессом. Именно поэтому можно согласиться с В. Куницыным и В. Лекторским, которые выражают тревогу в связи с попытками искусственного разделения ли-

тературоведческого и философского подходов к литературным произведениям: «Как бы то ни было, а великая традиция русской культуры, состоящая в неразрывном союзе философии и литературы, нарушена. И это пагубно сказывается как на развитии философии, так и на качестве литературы» [10].

Аксиологический подход к изучению русской литературы предполагает параллельное знакомство студентов с этическими воззрениями русских и зарубежных философов, которые не только отразили своеобразие эпохи, но и оказали непосредственное влияние на литературный процесс.

Социальные катаклизмы начала XX века изменили в сознании писательской интеллигенции привычные представления о человеке и мире и побудили искать выход из духовного, нравственного тупика, искать новые ценностные ориентиры. Иван Бунин и Михаил Осоргин, Викентий Вересаев и Алексей Ремизов, Дмитрий Мережковский и Алексей Толстой – все они остро пережили распад привычного уклада жизни, крушение романтических представлений и идеалов. Михаил Булгаков, для которого в 20-е годы тема судеб интеллигенции была связана с глубоко личными переживаниями, не только органично вписался в их среду; его герои на современном материале продолжили традицию духовных исканий героев А. Чехова и Л. Толстого, Н. Некрасова и Ф. Достоевского.

Стремясь осмыслить крестный путь интеллигенции, Булгаков задумывает роман, причем процесс созревания замысла можно проследить в рассказах «Красная корона» (октябрь, 1922), «Необыкновенные приключения доктора» (май, 1922), «В ночь на третье число» (декабрь, 1922).

В трагической круговерти гражданской усобицы развиваются события рассказа «Красная корона». Гибель девятнадцатилетнего брата «отрезвляет» героя рассказа. Автор с клинической точностью описывает симптомы психического заболевания героя, заставляя его искать причины своей «болезни» («...того рабочего в Бердянске, со щекой, вымазанной сажей, повесили на фонаре <...> фонарь стал причиной моей болезни...» [4, с. 84]). Герой понимает, кто виновен в случившемся («... вешали же вы. По словесному приказу без номера» [4, с. 89]), но вершит нравственный суд над самим собой за то, что «помогать... повесить я послал Колю», за то, что не исполнил клятву, данную матери (вернуть домой самого младшенького), за то, что не смог переступить через страх и отказаться от участия в бойне («Тогда я, конечно, не мог ничего поделать, но теперь я смело бы сказал: – Господин генерал, вы зверь! Не смейте вешать людей!» [4, с. 84]).

Мотив ожившей совести звучит в связи с появлением призрака погибшего брата в «красной короне» и с двумя кровавыми подтеками вместо глаз. Повествование про­низывает мотив безысходности и бессилия что-либо изменить, поэтому каждую ночь герой близок к самоубийству, каждую ночь является к нему «всадник с незрячими глазами». И каждый раз слышится одно и то же: «Брат, я не могу оставить эскадрон». Эти слова превращают жизнь героя в «адо­ву муку», он пытается говорить с призраком («Что же ты, вечный мой палач? Зачем ты ходишь? Я все сознаю. С тебя снимаю вину на себя – за то, что послал тебя на смертное дело. Тяжесть того, кто был повешен, тоже кладу на себя. Раз я это говорю, ты прости и оставь меня» [4, с. 88]). Определяющими чувствами в «Красной короне» становятся «страх» и «боль», «жалость» и «отчаяние». Эти ощущения проецирует в воображаемую реальность внутреннее «Я» героя, оказавшегося в состоянии психологического тупика («Не тает мое бремя» [4, с. 89]).

И только одного хотел бы герой: обраща­ясь к генералу, он произносит: «Чтобы он хоть раз пришел к вам и руку к короне приложил. Уверю вас, вы были бы кончены, так же, как и я <...>. Впрочем, может быть, вы тоже не одиноки в часы ночи? Кто знает, не ходит ли к вам тот, грязный, в саже, с фонаря в Бердянске?» [4, с. 88-89].

«Красная корона» намечает нравствен­но-эстетический план сюжетных линий в будущих произведениях писателя (тема нравственного суда, начатая в рассказе, продолжает «Бег», невысказанное здесь обвинение генералу («Вы – зверь!») транс­формируется в пьесе в монолог Крапилина, повешенный в Бердянске – в повешенного вестового, «разговор» героя с призраком окровавленного брата – в «диалоги» Хлудова с тенью «красноречивого вестового»; однако если финал «Красной короны» безысходен («Не тает бремя <...>. Да, я безна­дежен. Он замучит меня»), то герой «Бега» обретает покой («И тает мое бремя <...>. Смотрите, он ушел и стал вдали»). Здесь формируется один из основных этических постулатов аксиологии Михаила Булгакова: *жизнь человека* – абсолютная ценность (впоследствии – в «Белой гвардии», в «Бе­ге», в «Адаме и Еве» – именно человеческая жизнь становится ценностным ориентиром для автора).

При всем многообразии теоретических разногласий русские философы (имеются в виду Н. Федоров, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков) сходятся в одном: духовный опыт открывает человеку высшие нравст­венные ценности, однако наивысшей ценно­стью мира является сам человек. В работе «О

назначении человека. Опыт парадоксальной этики» Н. Бердяев пишет по этому поводу: «Человеку принадлежит примат над быти­ем, ибо бытие раскрывается только в челове­ке, из человека, через человека. И только то­гда раскрывается дух» [2, с. 25-26].

В рассказе «Необыкновенные приклю­чения доктора» звучат автобиографические мотивы, которые во многом предваряют роман «Белая гвардия». Писатель вводит образ рассказчика, что дает ему возмож­ность внешне отстраниться от происходя­щего, однако манера изложения указывает на его сопереживание герою, на сходство их ценностных ориентиров. Основными чув­ствами главного героя, доктора Бакалейни­кова, являются «усталость нечеловеческая» [3, т. 1, с. 157] и отвращение к войне. Собы­тия рассказа – фрагментарные дневнико­вые записи «мобилизованного врача» – напоминают кошмарный сон, из которого герой не в состоянии вырваться.

Уже начало рассказа предваряет собы­тия романа «Белая гвардия» и очерчивает противостояние вечного (*высокие звезды*), символизирующего непреходящие ценно­сти, и сиюминутного (*бандиты и петлю­ровская вольница*). Рассказ обрамляет мо­тив звезд; они становятся не только ценно­стными ориентирами, но и единственными отнюдь *не бесстрастными судьями* проис­ходящему. Если в первом эпизоде «пан ку­ренной взмахнул маузером» и «расстрелял» звезду Венеру, повисшую над Слободкой [4, с. 60], то через некоторое время доктор Ба­калейников увидел «в небе чудо»: «Звезда Венера над Слободкой вдруг разорвалась в застывшей выси огненной змеей, брызнула огнем и оглушительно ударила. <...> Вслед за звездой даль подала страшный звук, уда­рила громом тяжело и длинно. И тотчас хлопнула вторая звезда, но ниже, над са­мыми крышами, погребенными под снегом. <...> Бежали (в дальнейшем мотив бега за­звучит в романе «Белая гвардия» и пьесе «Бег») серым стадом сечевика. И некому их было удержать» [4, с. 69-70]. В финале рас­каза – «чудом склеившаяся Венера над Слободкой опять *играла, чуть краснова­тая*, и лежала белая перевязь – путь сереб­ристый, млечный» [4, с. 72].

В рассказе «В ночь на третье число» формируется онтологически вневременной аксиологический подход Булгакова к собы­тиям гражданской войны. Как писал И. Кант, философия которого всегда при­влекала Булгакова, «две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. <...> Моральный закон от-

крывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира...» [8, с. 435-436]. И если звездное небо над нами – это символ величия природы, то моральный закон – символ величия человеческого разума, «добровольно предписывающего самому себе закон, пред которым бессильны даже законы природы» [16, с. 25].

В работе «Основы метафизики нравственности» (1785) И. Кант, исходя из логики «чистого практического разума», формулирует основное понятие своей этической системы – «категорический императив». Для определения основы добра философ формулирует понятие «доброй воли» как квинтэссенции нравственности. Абсолютизируя моральный закон в качестве нравственного идеала, И. Кант говорит о его нерушимости («святости») и ставит в один ряд с ним понятия «добрая воля» и «долг» (И. Кант развивает свою концепцию морали в работах «Критика практического разума» (1788), «Метафизика нравственности» (1797), «Об изначально злом в человеческой природе» (1792) и т. д.).

В этических воззрениях М. Булгакова и И. Канта можно обнаружить множество *формальных* сходжений. Поступки одних булгаковских персонажей продиктованы накопленными в опыте «правилами умения» (И. Кант) (например, профессиональная деятельность героя «Записок юного врача»); поведение других связано с «советами благоразумия» (И. Кант), с желанием достичь личного благополучия (например, Лариосик, Елена, Шервинский в «Белой гвардии»); близкие же М. Булгакову герои (Голубков, Ефросимов, Максудов, мастер, Маргарита) могли совершать не только рефлексивные поступки, но и импульсивные («под влиянием минуты» или своеобразно понятого «категорического императива»), однако при этом никогда не руководствовались холодным расчетом, абстрактным практическим разумом. В булгаковском понимании «категорический императив» не может не касаться «содержания поступка и того, что из него должно последовать» (И. Кант). Характеризуя метафизическую этику «чистого практического разума» И. Канта с позиций русской ментальности, Вл. Соловьев справедливо отметил, что его «нравственное учение... основывается на выделении из человеческой практики всех эмпирических элементов, с тем чтобы получить в результате чистую формальную сущность нравственности...» [14, с. 184].

Из всех умозрительных этических выкладок И. Канта, жизнь и судьба которого являют пример возобладания «практического разума» и «нравственного долга» над

аффектами и страстями, М. Булгакову импонирует прежде всего *необходимость нравственного закона*, который определяется отнюдь не «практическим разумом», а романтической верой в конечное торжество справедливости. И в этом писателю гораздо ближе антропокосмизм, идеи русской метафизики со стремлением к онтологической укоренности религиозно-этической правды, в частности, этические построения Владимира Соловьева.

Русская философская мысль, испытав в пору своего становления значительное влияние немецкой философии, на рубеже XIX-XX веков была ориентирована прежде всего на духовные ценности. «Русский человек страдает от бессмыслицы жизни. <...> Он всем существом своим ощущает, что нужно не «просто жить», а жить для чего-то» [15, с. 36]. С точки зрения русской философии, жизнь как наслаждение, власть, богатство, как упоенность миром и самим собой – совершенная бессмыслица. Жизнь приобретает подлинный смысл лишь в том случае, когда все ее проявления, вся мирская деятельность человека подчиняются служению высшим ценностям (в каждой из сфер человеческого существования можно выделить свою высшую онтологическую ценность: в бытии – Жизнь, в религии – Бога, в нравственности – Добро, в гносеологии – Истину, в искусстве – Красоту, в политике – Мир, в экономике – Пользу и т. д.; однако уже древние мыслители выделили ценностное триединство: Добро, Истина, Красота; по мнению Вл. Соловьева, эти абсолютные ценности соответствуют ипостасям Святой Троицы, которые в его философии предстают как Дух (субъект и носитель Блага), Разум (субъект и носитель Истины) и Душа (субъект и носитель Красоты)). В этом случае рождается ощущение назначенности, предстояния, необходимости служения. Именно отсюда берет начало нравственная тревога лучших представителей российской интеллигенции, задающихся извечными вопросами «Как жить?», «Что делать?».

Историософские раздумья М. Булгакова о крестном пути интеллигенции, наметившиеся в его ранних рассказах, формируют основные этико-эстетические атрибуты его художественной аксиологии, основанной на соблюдении «нравственного закона». При этом писатель неизменно обращается к таким вечным, универсальным ценностям, как жизнь и покой, дом и семья, родина и честь, гуманизм и культура.

Таким образом, аксиологический подход к изучению творчества писателя позволяет выявить внутренние закономерности его художественного мира, оценить роль и значение отдельных произведений не только

в его творческом наследии, но и в истории литературы. А параллельное знакомство с этическими воззрениями русской и зарубеж-

ной философской мысли дает возможность органично вписать творчество писателя в широкий социокультурный контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анашкина И. А. Аксиология звучащего текста как артефакта культуры : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. М. : Республика, 1993.
3. Булгаков М. А. Избранные сочинения : в 3 т. М. ; СПб. : Литература-Кристалл, 1997.
4. Булгаков Михаил. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза / сост., вст. ст. и примеч. В. Сахарова. М. : Худож. лит., 1989.
5. Волкова Т. Н. Аксиологический подход к изучению русского языка в школе // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 12. С. 53-55
6. Выжлецов Г. П. Аксиология: становление и основные этапы развития // Соц.-полит. журнал. 1996. № 1. С. 86-99.
7. Розов Н. С. Культура, ценности и развитие образования. М., 1992.
8. Кант И. Основы метафизики нравственности. М. : Мысль, 1999.
9. Коваленко В. А. Проблема ценностей в творчестве : дис. ... д-ра филос. наук. М., 1996.
10. Куницын В., Лекторский В. Логос и муза // Лит. газ. 1988. № 39.
11. Петров В. Б. Художественная аксиология Михаила Булгакова : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
12. Подковыров И. К. Аксиологический аспект анализа лирического произведения в старших классах : дис. ... канд. филос. наук. Самара, 1997.
13. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991.
14. Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д. : Феникс, 2000.
15. Франк С. Л. С нами Бог / сост. и предисл. А. С. Филоненко. М. : АСТ, 2003.
16. Черныкова Н. С. Ценностная природа истины : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1995.

L I T E R A T U R E

1. Anashkina I. A. Aksiologiya zvuchashchego teksta kak artefakta kul'tury : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1996.
2. Berdyayev N. A. O naznachenii cheloveka: Opyt paradoksal'noy etiki. M. : Respublika, 1993.
3. Bulgakov M. A. Izbrannyye sochineniya : v 3 t. M. ; SPb. : Literatura-Kristall, 1997.
4. Bulgakov Mikhail. Zapiski na manzhetakh. Rannyyaya avtobiograficheskaya proza / sost., vst. st. i primech. V. Sakharova. M. : Khudozh. lit., 1989.
5. Volkova T. N. Aksiologicheskyy podkhod k izucheniyu russkogo yazyka v shkole // Sovremennyye naukoemkie tekhnologii. 2010. № 12. S. 53-55
6. Vyzhletsov G. P. Aksiologiya: stanovlenie i osnovnyye etapy razvitiya // Sots.-polit. zhurnal. 1996. № 1. S. 86-99.
7. Rozov N. S. Kul'tura, tsennosti i razvitie obrazovaniya. M., 1992.
8. Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti. M. : Mysl', 1999.
9. Kovalenko V. A. Problema tsennostey v tvorchestve : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1996.
10. Kunitsyn V., Lektorskiy V. Logos i muza // Lit. gaz. 1988. № 39.
11. Petrov V. B. Khudozhestvennaya aksiologiya Mikhaila Bulgakova : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2003.
12. Podkovyrov I. K. Aksiologicheskyy aspekt analiza liricheskogo proizvedeniya v starshikh klas-sakh : dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 1997.
13. Solov'ev V. S. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika. M. : Iskusstvo, 1991.
14. Filosofskiy slovar' Vladimira Solov'eva. Rostov n/D. : Feniks, 2000.
15. Frank S. L. S nami Bog / sost. i predisl. A. S. Filonenko. M. : AST, 2003.
16. Chernyakova N. S. Tsennostnaya priroda istiny : dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 1995.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.